

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.23>

Елатко Татьяна Александровна

Лексикализация концепта КОНЬ в кубанских казачьих песнях

Цель исследования - выявить особенности лексико-семантического воплощения концепта КОНЬ в кубанских лирических, балладных, острожных, свадебных, обрядовых, хороводных, плясовых и шуточных песнях. Научная новизна заключается в том, что впервые сделана попытка сопоставительной характеристики основных имён общерусского концепта КОНЬ - лексем "конь" и "лошадь" - на региональном материале кубанского казачьего песенного фольклора. Полученные результаты показали, что в кубанских казачьих песнях у данных лексем на основе прямых значений возникает дополнительный смысл 'богатство'. Кроме того, у лексемы "конь" появляются значения 'свой', 'символ жениха', 'товарищ казака'. Обе лексемы приобретают положительную эмоциональную окраску. Различия в семантике слов "конь" и "лошадь" исчезают, данные лексемы становятся полными синонимами, но наиболее частотная лексема "конь" обладает значительно более широким метафорическим потенциалом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 114-119. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Борисова О. Г.** Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 2018. 609 с.
4. **Борисова О. Г.** Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
5. **Бурдун С. В.** Концепты МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ как репрезентанты мира «своих» (на материале кубанской фразеологии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 13-18.
6. **Епатко Т. А.** Особенности лексической репрезентации концепта КОНЫ в кубанском фразеологическом фонде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 19-24.
7. **Матвеев О. В.** Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар: Кубанькино, 2005. 418 с.
8. **Петроченко М. Н.** Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2005. 227 с.
9. **Пивень А. Е.** Торба смеха и мешок хохота. Краснодар: Советская Кубань, 1995. 224 с.
10. **Пословицы, поговорки и загадки Кубани** / сост.: Л. В. Мартыненко, И. В. Уварова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. 154 с.
11. **Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края** / сост. С. Д. Мастепанов. Армавир – Отрадная: Издатель Шурыгин В. Е., 2013. 192 с.
12. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. 736 с.
13. **Ткаченко П. И.** Кубанские пословицы и поговорки. Краснодар: Традиция, 2008. 240 с.
14. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
15. **Чалов В. П.** Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дисс. ... к. филол. н. М., 1981. 292 с.

Lexical Representation of COSSACK Concept Introducing Male Subculture of ‘His Own World’ in the Kuban Phraseology

Burdun Svetlana Vladimirovna

*Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov
010670@bk.ru*

The article examines the COSSACK concept in the context of the Kuban phraseology. The paper aims to reveal the role of the COSSACK concept in the Kuban Cossacks’ linguistic worldview in relation to the category “the native – the outsider”. Scientific originality of the study lies in the fact that the author for the first time analyses lexico-semantic representation of the COSSACK concept in the Kuban Cossacks’ regional linguistic worldview by the material of local phraseology. The findings indicate that the COSSACK concept contains both ameliorative and pejorative connotations and bears different semantic load in military sphere and in civil life in terms of the dichotomy “the native – the outsider”.

Key words and phrases: linguistic worldview; COSSACK concept; “the native – the outsider” category; Kuban phraseology; evaluativeness.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.23>

Дата поступления рукописи: 14.09.2020

Цель исследования – выявить особенности лексико-семантического воплощения концепта КОНЫ в кубанских лирических, балладных, острожных, свадебных, обрядовых, хороводных, плясовых и шуточных песнях. **Научная новизна** заключается в том, что впервые сделана попытка сопоставительной характеристики основных имён общерусского концепта КОНЫ – лексем «конь» и «лошадь» – на региональном материале кубанского казачьего песенного фольклора. **Полученные результаты** показали, что в кубанских казачьих песнях у данных лексем на основе прямых значений возникает дополнительный смысл ‘богатство’. Кроме того, у лексемы «конь» появляются значения ‘свой’, ‘символ жениха’, ‘товарищ казака’. Обе лексемы приобретают положительную эмоциональную окраску. Различия в семантике слов «конь» и «лошадь» исчезают, данные лексемы становятся полными синонимами, но наиболее частотная лексема «конь» обладает значительно более широким метафорическим потенциалом.

Ключевые слова и фразы: концепт КОНЫ; кубанские песни; казачий фольклор; лексема; метафорическое значение.

Епатко Татьяна Александровна

*Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени А. К. Серова
epatko.t.a@yandex.ru*

Лексикализация концепта КОНЫ в кубанских казачьих песнях

В языковой картине мира кубанского казачества важное место занимает концепт КОНЫ. Об огромной роли коня в жизни кубанских казаков писали такие историки, как О. В. Матвеев [15, с. 203], И. Ю. Васильев [3, с. 158]. Вполне закономерно поэтому, что образ коня является одним из наиболее частотных образов кубанского

казачьего фольклора и позволяет воссоздать базовые концепты языковой картины мира (ЯКМ) кубанского казачества. *Актуальность* данной работы обусловлена необходимостью изучения основных смыслов такой важной единицы описания ЯКМ кубанских казаков, как концепт КОНЬ, а также средств выражения этих смыслов в кубанском фольклоре.

Как отмечают Л. А. Исаева и С. Г. Дрыга, «концепты, как правило, условно представляют в виде имён-символов, цель которых – быть знаком определённых знаний... запечатлённых в языке» [11, с. 10-11]. Учёные, занимавшиеся исследованием концепта КОНЬ (Н. А. Илюхина, Е. Н. Булатникова), считают, что базовыми именами, представляющими этот концепт в русской языковой картине мира, стали лексемы-синонимы *конь* и *лошадь* [2, с. 25; 10, с. 30]. В картине мира кубанского казачества именем концепта КОНЬ является одноимённая лексема. Значительно менее употребительная лексема *лошадь* входит в ядерную зону полевой структуры концепта КОНЬ.

В данной работе решаются следующие *задачи*: отбор текстов кубанских лирических, балладных, острожных, свадебных, обрядовых, хороводных, плясовых и шуточных песен, содержащих лексемы *конь* и *лошадь*; описание прямых, словарных и дополнительных, метафорических и символических значений этих слов; выявление сходства и различия в их семантике.

В статье применялись следующие *методы исследования*: метод сплошной выборки и количественной обработки материала, метод систематизации выбранных языковых единиц, метод контекстного анализа их семантики и описания результатов проведенных наблюдений.

Теоретической базой данного исследования стали работы в области лингвокультурологии: Л. А. Исаевой, С. Г. Дрыги [11]; семантики поэтической речи: О. В. Кондрашовой [12], лингвофольклористики: В. И. Ерёминной [7], С. Е. Никитиной [16], А. Т. Хроленко [21]. Автор опирался также на опубликованные в последние годы работы, посвящённые исследованию языковой картины мира, фольклорной картины мира, фольклорного концепта: Е. И. Головановой, И. А. Голованова и И. Г. Казачук [4]; Л. М. Довлеткиреевой [6]; И. И. Рубаковой [18].

Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы на школьных уроках кубановедения, а также в вузе на лекциях и семинарах по изучению языка фольклора.

Источниками песенных контекстов послужили сборники: «Песни кубанских казаков» А. Д. Бигдая [1], «Народные песни Кубани» В. Г. Захарченко [9] и «Народные песни казаков» Г. М. Концевича [13]. Материал исследования составил 99 песен, из них 97 песен с именем концепта *конь*, 1 песня с именем концепта *лошадь* и 1 песня, в которой употребляются обе лексемы. То есть при репрезентации концепта КОНЬ в подавляющем большинстве текстов казачьих песен используется одноимённая лексема.

Во всех проанализированных нами фольклорных контекстах лексемы *конь* и *лошадь* имеют прямые, ядерные значения, зафиксированные в словарях: *конь* – это «верховая лошадь» [5, с. 156-158]: *Як бы в мене сирый кинь, Я сидельце маю, Пойихав бы на Украину, Де дивчину знаю* [13, с. 211, № 3]; «крупное непарнокопытное животное (самец), используемое для перевозки людей, грузов, на сельскохозяйственных работах» [8, с. 1027]: *Ой да запрягу я коня вороного... Во новые дрожжи... Сяду я, поеду По битой дорожке* [1, т. 2, с. 188-189, № 110]; *лошадь* – это «вообще конь» [5, с. 274]: *У тебя-то жена Не хозяйкой была, Вороных лошадей Пораспродывала* [1, т. 2, с. 160, № 89].

Лексема *конь* в контекстах невоенных песен чаще используется в значении «верховая лошадь» и гораздо реже обозначает упряжное или рабочее животное. Хотя со временем казаки всё шире стали использовать лошадей не только на военной службе, но и на сельскохозяйственных работах, в казачьей ментальности конь так и остался верховым, но не рабочим животным, что отразилось в народных песнях, а значит, зафиксировано в ЯКМ кубанского казачества.

Лексема *лошадь* употребляется в казачьих песнях очень редко, являясь при этом полным синонимом слова *конь*. На абсолютное совпадение лексического значения этих слов указывает то, что в песне «Ой ты сад, ты мой сад» они употребляются как равноправные и взаимозаменяемые синонимы, обозначающие одну реалию: свекровь напрасно обвиняет невестку в том, что она «вороних *лошадей* всех повыпродала», потому что «вороны-то *кони* по конюшням стоят» [Там же, с. 158, № 88]. Лексическое значение, которое имеет лексема *лошадь* в указанных контекстах, зафиксировано в словаре Даля – «вообще конь» [5, с. 274].

Необходимо также отметить, что в контекстах кубанских казачьих песен семантика слов *конь* и *лошадь* расширяется, выходит за рамки закреплённых в словарях русского языка прямых, ядерных значений, которые, сохраняясь, сочетаются здесь с различными дополнительными смыслами. Именно эта контекстуальная, «надсловесная» семантика концепта и представляет особый интерес, так как является весьма значимой для кубанской ЯКМ.

В кубанских песнях часто происходит символизация слова-образа *конь*. В обследованных нами песенных текстах (72 песни), описывающих любовь казака, оно символизирует влюблённого казака, жениха. Слово *лошадь* в данных художественных контекстах отсутствует.

Определения, которые характеризуют лексему *конь*, имеющую символическое значение, традиционны, не очень разнообразны и являются в кубанских казачьих песнях постоянными эпитетами, не только указывающими на масть животного (*вороной/вороненький, сирый, гнедой, чалый, карый*) или его выдающийся, существенный признак (*жавый*), но и обозначающими «правильность», нормативность образа коня, а также его положительную оценку: *Не мордуйся, коню жавый, Пый погожу воду, Крипы силы, коню чалый...* («Хата моя рубленая...») [13, с. 86, № 12]. Определения, выраженные притяжательными местоимениями или притяжательным прилагательным (*мой, твой, Иванов*), указывают на принадлежность коня к «своему» миру в представлениях казаков.

Наибольшим разнообразием отличаются глаголы, сочетающиеся с лексемой *конь*. Они обозначают действия казака или казачки в отношении коня, а также действия самого животного. Одной из наиболее частотных ситуаций с участием коня, описанной в исследованных песнях, является ситуация встречи, свидания или прощания казака с любимой. В таких ситуациях конь выступает как внешний атрибут казака. На встречу с девушкой молодец приезжает на коне или приходит, ведя коня в поводу: *И сам иду, коня веду до мылои в гости* («Хата моя рубленая...») [Там же]. Расставаясь с милой, он уезжает от неё тоже на коне: *А садится милый на коня, Коня вороного, Выезжает милый со двора, Со двора далече* («Отчего ты, девка, плачешь») [1, т. 2, с. 165, № 92]. Закономерно, что в подобных лексико-семантических контекстах лексема *конь* характеризуется глаголами, имеющими категориальную или ассоциативную сему 'движение' и обозначающими подготовку к движению на коне, движение на коне или рядом с конём, а также принуждение коня к движению: *зануздаю, запрягу, сидлай, осидлала коня; садится, сяду на коня; ийды, выезжает, поихав, проезжал, подъезжает, прыйихав, приезжал, ускакал на коне; повернул коня; веду, водил, вывела коня; вдарыв коня; погонять конэй*. В свадебной песне «А кто у нас хороший», наряду с указанными глаголами, употребляются и глаголы, описывающие действия самого коня: *А конь веселится... А конь под ним пляше* [Там же, с. 258, № 156]... Глаголы *веселится* и *пляше* употребляются в переносном значении и олицетворяют образ коня, обогащая лексическое значение слова *конь* ассоциативной семой 'жених'.

В фольклорных контекстах, описывающих встречу казака с любимой, лексема *конь* часто сочетается также с глаголами, содержащими категориальные семы 'пить' или 'дать напиток': *конь напился, (не) пье, (не) хоче пыты; напувае, напоишь коня; дай (воды) коню: Ой пый, коню, та цю воду, Вода ключевая. Любы, козак, та цю дивчину, Вона молодая* («Ой на гори та сухой дуб...») [9, вып. 2, с. 268, № 180]. А. А. Потебня отмечал, что в народной славянской поэзии «пить воду значит любить и быть любимым» [17, с. 11, 55], а вода, особенно холодная, ключевая, символизирует молодую девушку [Там же]. Кроме того, в гадающих девушек вода означала замужество [19, т. 1, с. 90]. В кубанских песнях присутствует сюжет, когда любящий девушку казак просит у неё напиток: *Постой, постой ты, дивчина, Дай во... дай воды напиться* («Ой котывся по дорози мальованный кабак...») [Там же, вып. 2, с. 271, № 132]. Но чаще казак просит у девушки воды не для себя, а для своего коня: *Гей, постий, постий, сердце-дивчино, Дай коню воды* («Ой, у поли верба...») [13, с. 43, № 20]. Если девушка не любит казака, она отказывается поить его коня. В идеальном мире кубанского фольклора казак и конь неразрывно связаны, конь неотделим от казака. Это единство отразилось и в песнях. Образ коня, выполняющий функцию внешнего атрибута, приобретает символическое значение. Но если в военных песнях конь становится символом воина, то в невоенных песнях он символизирует влюблённого казака, казака-жениха. Приращение дополнительного смысла «жених» к общей семантике концепта за счёт символического употребления имени *конь* этого концепта основано на славянских верованиях. Конь играл большую роль в свадебной обрядности: он выполнял охранительную функцию; также считалось, что производительная сила человека взаимосвязана с производительной силой коня [19, т. 2, с. 592].

В отдельных песенных контекстах уже трудно найти грань между животным и его хозяином. В свадебной песне «Ой чей то конь да по улице пробежал...» рассматривается о том, как конь вытоптал в огороде девушки цветы и мяту, в песне «Не зимой-то лютой та сосёнушка была зелена...» – конь потоптал руту-мяту, не оставив девушке цветов на веночек. И веночек, и рута, и мята – в славянском фольклоре символы детства. Н. И. Костомаров в работе «Славянская мифология» приводит пример песни, в которой девушка, отвечающая молодцу взаимностью, просит его потоптать вместе с ней руту-мяту [14, с. 157]. Образ потоптанной руты-мяты или просто мяты встречается и в кубанских свадебных песнях, но в них поётся, что руту-мяту топчет не молодец, а его конь. В этих контекстах образ коня, символизирующий жениха, представлен не как инструмент, а как самостоятельный субъект действия, что подчёркивается глагольной сочетаемостью лексемы *конь*: *ворвался, пробежал, ускачил, вытоптал, утоптал, (не) оставил*. Значение символа раскрывается с помощью характерного для фольклора приёма психологического параллелизма образов коня и жениха: *Не смолчала Марьюшкина матушка... Выломилла калин ветку однолетку... Ударилла вороного коня по бедру... Застебнула Свиридушку по лицу* («Ой чей то конь да по улице пробежал...») [1, т. 2, с. 267, № 163]. Возникновению символической параллели *конь – жених* способствует то, что в фольклоре «“человеческий аспект” любой растительной или животной реалии... задан потенциально, включён в фольклорное слово в качестве тенденции с условием обязательной реализации» [21, с. 151].

В ряде фольклорных контекстов глаголы, характеризующие коня в качестве объекта действия, имеют сему 'ограничение воли': *вяже/привязав коня, (нэ) споймаю коня, зануздаю коня*. «Так как конь и вол – довольно обыкновенные символы человека в разных положениях... то пута, налыгачи, узда – символы любовных связей» [17, с. 73]. В кубанских казачьих песнях, включающих художественные контексты с этими глаголами, обычно повествуется о сватовстве казака: *Как приехал домой милый с поля, Та привязал коня до забора... Как бы Бог дал субботы дожждаться, Пошлю людей девчоночку сватать* («Как приехал домой милый с поля...») [1, т. 2, с. 236, № 140]. Привязав коня, казак ограничивает не только его свободу, но и отказывается от вольной холостой жизни для себя. В подобных контекстах конь также символизирует казака-жениха.

В текстах некоторых песен встречается лексема *конь*, управляемая глаголом *прислал (коня)*. В этих песнях рассказывается о том, что казак присылает на поклон любимой девушке коня: *Прислал милый на поклон коня вороного* («Посажу я калинушку...») [Там же, с. 219, № 130]. «Поклон – символ подарка» [17, с. 74]. Если конь осмысливается в народных песнях как символ жениха, то такой подарок тоже имеет своё символическое значение: казак, дарящий коня, дарит девушке и своё сердце, свою любовь, впускает её в свой личный мир.

Песня «Посою ль лебеду на берегу...» рассказывает о казачке, мечтающей о коне, что нехарактерно для кубанского фольклора. Хотя в реальной жизни казачку можно было увидеть верхом на коне, всё же конь

был частью мужской субкультуры, и в фольклоре «езда девушки на коне представлялась нарушением установленного миропорядка» [3, с. 159]. Но в этой песне, как и во многих других, конь символизирует влюблённого молодца, и казачка, мечта о коне, на самом деле мечтает о любви казака: *Кабы мне молодой да ворона коня... Скакала б я, плясала б по лугам... С Донским молодым казаком* [13, с. 376, № 20]. В двух фольклорных контекстах, описывающих обращение казака к любимой, синтагматика лексемы *конь* включает глаголы в повелительном наклонении *сидай (на коня), пойдём*. Такая просьба означала, что казак приглашает девушку войти в его дом, в его семью: *Дивчина моя, сидай на коня И пойдём та й мы чистым полём до моего двора* («И по цей бик гора...») [1, т. 1, с. 177, № 125].

Символ в фольклоре отличается от литературного, авторского символа. О. В. Кондрашова отмечает, что семантика символа в авторской поэзии включает «оригинальные, творческие, авторские элементы смысла» [12, с. 195], а сам символ – это «дитя слова и воображения» [Там же]. Условием же превращения фольклорного слова-образа в слово-символ должны быть его повторяемость и постоянство значения в различных контекстах [7, с. 68]. Символика образа коня сохраняется и в песнях, описывающих любовную измену казака. Именно по поведению коня казачка определяет, верен ли ей казак: если конь не хочет пить или пьёт воду в другом месте, из другого источника, это означает несчастье, измену любимого: *А кинь ирже та воды ны пье, Вин дорогу чье, Дзэ мий мылый чернобровый З другою ноче* («Свитэ мисяц, ой, на годьну...») [9, вып. 2, с. 248, № 119]. В подобных контекстах образ коня выступает в качестве самостоятельного субъекта действия. При этом лексема *конь* сочетается с глаголами, которые обозначают действия коня (*конь хоче збыты (не) пье, (не) хоче пыты, чье, (не) рже, дере (головоньку), баче*) или действия, которые казак просит коня совершить (*коню, (не) мордуйся, крипы (сылы), пый*).

В контекстах кубанских казачьих песен (11 песен) семантика лексемы *конь* расширяется также за счёт приращения к общей семантике концепта дополнительного смысла «товарищ».

В этом метафорическом значении лексему *конь* характеризует ряд определений. И те из них, которые указывают на принадлежность коня к «своему» миру казака (*мой/мий, свой*), и те, которые являются постоянными эпитетами (*вороной/вороненький, гниденький, верный*), в фольклорных текстах казачьих песен приобретают положительную оценочность. У постоянного эпитета *добрый* эта сема является категориальной. Сравнения-приложения *друг-приятель*, силовые в песне «Чего, садик, призывал...» включены в обращение казака к коню, являются денотативными синонимами слова *конь* и обогащают его лексическое значение ассоциативной семой «товарищ»: *Уж ты, конь мой вороной, Друг-приятель дорогой* [1, т. 2, с. 178, № 102].

В трёх рассмотренных контекстах казак-сирота называет коня даже своим братом: *А я бидный сыротына: Шашка з боку – вся родына, Степ шырокый – то мий сват, Кинь гниденький – то ж мий брат* («Ой, у поли йе крыныця...») [13, с. 236, № 21]. Контекстуальное сближение с лексемой *брат* тоже метафоризирует, олицетворяет слово *конь*, обогащая семантику концепта приращёнными значениями «товарищ», «близкий, родной».

Олицетворяют образ коня и сочетающиеся с лексемой *конь* глаголы, которые употреблены в переносном значении: *кинь зажурывся* (огорчился), (*нэ) говорэ; коню, порадь* (посоветуй). Глагол говорения *говорыты* характеризует как лексемы, обозначающие казака (*сын, я*), так и слово *конь*: метафоризация лексемы *конь* и приобретение ею потенциальной семы «товарищ» происходит чаще всего в ситуации разговора казака со своим конём: обращаясь к коню, молодец вспоминает воинские подвиги казаков, советуется с ним, рассказывает о несчастной любви, жалуется на свою горькую судьбу, спрашивает коня, почему тот печален. В песне «Ой, пора тоби, маты...» конь представлен как полноправный участник диалога. Как настоящий друг, он говорит казаку правду в глаза: он упрекает своего хозяина в том, что тот слишком много пьёт и гуляет с молодими: *Ой, нэ важка твоя зброя, нэ далэка дорога, Ой, а важки твои вэчерныци, молоди молодыци... Ой, а як повз шинок мымо йидэши, то й пьеш и гуляеш* [1, т. 1, с. 213-214, № 159]. Н. И. Костомаров, занимавшийся исследованием исторического аспекта южнорусского песенного творчества, приводит примеры и других казачьих песен, повествующих о том, как конь, разговаривая с казаком, предостерегает его от неосторожного шага или осуждает за недостойное поведение [14, с. 328].

Таким образом, народная песня изображает коня настоящим другом казака: если во время военных действий конь спасает жизнь своего хозяина, то в мирной жизни оберегает его от безнравственных поступков, становится воплощением совести казака. Это может объясняться тем, что конь, по представлениям славян, был атрибутом святых: Егория Победоносца, Михаила Архангела, Илии Пророка, Николая Чудотворца – и даже самого Господа Бога [19, т. 2, с. 591]. Поскольку в фольклорном тексте метафора является одним из способов оценки [16, с. 140], ассоциативная пара *конь-товарищ* привносит в семантику концепта КОНЬ положительную оценку.

Историк И. Ю. Васильев пишет, что в казачьей среде конь был также «мерилом материального богатства. Во многом это было обусловлено ценностной значимостью животного» [3, с. 164]. В ряде обследованных нами кубанских народных песен (11 песен) лексемы *конь* и *лошадь* приобретают ассоциативную сему «богатство», и их прямое значение контаминируется с метафорическим. В песне «А казаль, свати богати...» *безноги кони* – показатель отсутствия достатка: *А казаль, Свати богати, А воны убоги, Йих кони безноги* [1, т. 1, с. 86, № 49]. Материальная ценность коня показана и в песне «Ой, прыла б я кудэлыцю...». Казачка, которая добывает деньги на горилку, продавая домашних животных, дороже всех ценит коня: *Нэ поможэ и корова, нэ поможэ й вил, Есть у мэна у стояни вороненький кинь* [Там же, с. 250, № 187]. В текстах песен, в которых слово *конь* приобретает сему «богатство», присутствуют определения-антонимы, характеризующие казаков по их достатку: *богати – убоги (свати), богатая – бидная (сэстра)*.

Как уже было сказано, лексемы *конь* и *лошадь* в данных контекстах становятся абсолютными синонимами, способными к взаимозаменяемости. Полное совпадение их лексических значений подчёркивает и постоянный

эпитет *воронье*, который обычно характеризует лексему *конь*. В этих контекстах он относится и к слову *лошадь*. В большинстве лексико-семантических контекстов песен, где лексемы *конь* и *лошадь* обогащаются метафорическим значением «богатство», они употребляются в форме множественного числа. В такой форме эти слова приобретают сему 'много', которая ассоциативно связывает их со смыслом «богатство». Сему множественности имеет в своём лексическом значении и входящее в синтагматику лексемы *конь* существительное *пара (конэй)*, особенно в сочетании с числительным *три (пары конэй)*.

Большинство глаголов, сочетающихся с лексемами *кони* и *лошади* в метафорическом значении «богатство», имеют семы обладания-потери (*есть (кинь)*, *бери, пропыв (коня)*, *взяты (пару конэй)*, *пораспродывала/повыпродывала (лошадей)*) или приобретают их в контексте песни: *Вороних лошадей всех повыпродала... Да вороны-то кони по конюшням стоят* («Ой ты сад, ты мой сад...») [Там же, т. 2, с. 158, № 88]. Глагол *стоят* противопоставлен по своему лексическому значению глаголу *повыпродала* и становится его контекстным антонимом, при этом его лексическое значение дополняется семой обладания.

В фольклорных контекстах невоенных песен (5 песен) лексема *конь* реализует другое своё словарное значение «мифологический, сказочный конь» [20, с. 158]. В этих символических контекстах конь представлен как волшебное животное, которое помогает казачке или казаку догнать свою молодость: *Ой, сидлайтэ, братья мои, кони вороныи, Та й йизжайтэ, догоняйтэ лита молодыи* («Над горою камьяною голубы летают...») [1, т. 1, с. 162, № 115].

Глаголы, управляющие здесь лексемой *конь*, обозначают подготовку к движению (*запрягайте/запряжу, сидлайтэ/оседлаю*) или движение на коне (*догоняты, пойдэдэ/йизжайтэ, помчусь, полечу*). При этом глаголы, обозначающие движение, имеют категориальную или ассоциативную сему 'движение с большой скоростью'. В песне «Оседлаю коня, ой да, коня ворона...» лексическое значение таких глаголов усиливается сравнением с полетом птицы: *Оседлаю коня, Ой да, коня ворона Да й помчусь, полечу Выше сокола* [9, вып. 1, с. 112, № 61]. Такое же сравнение стремительно скачущего коня с быстро летящей птицей встречается и в некоторых военных казачьих песнях. Конь настолько быстр, что способен настигнуть ушедшее навсегда время. Встреча с молодостью происходит на мосту через реку, символизировавшую в славянской мифологии границу между «своим», земным, и «чужим», потусторонним, миром [19, т. 4, с. 417], или в чужой стороне, ведь конь в представлениях наших предков был проводником в мир сверхъестественного, на «тот свет» [Там же, т. 2, с. 590].

Решая поставленные в работе задачи, мы пришли к следующим **выводам**: в большинстве фольклорных контекстах казачьих песен, содержащих лексемы *конь* и *лошадь*, реализуются их прямые значения, зафиксированные в словарях. На основе прямых значений у слова *конь* возникают знаковые для языковой картины мира кубанских казаков дополнительные смыслы «свой», «символ жениха», «товарищ казака». Кроме того, у лексем *конь* и *лошадь* появляется метафорическое значение «богатство». В казачьих песнях слова *конь* и *лошадь* обладают положительной коннотацией. Основные репрезентанты концепта КОНЬ на уровне контекстов народных песен кубанских казаков являются полными синонимами, но к метафорическому переносу семантики гораздо более способна численно превалирующая лексема *конь*.

Перспективным является дальнейшее исследование лексической репрезентации концепта КОНЬ в кубанском казачьем фольклоре, что позволит смоделировать его полевую структуру и определить его значимость в региональной картине мира.

Список источников

1. Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков: в 2-х т. / под ред. В. Г. Захарченко. Краснодар: Кн. изд-во, 1992. Т. 1. 440 с.; 1995. Т. 2. 512 с.
2. Булатникова Е. Н. Концепты ЛОШАДЬ и АВТОМОБИЛЬ в русском языке: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2006. 207 с.
3. Васильев И. Ю. Боевой конь в системе ценностей кубанских казаков // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 25 февраля 2005 г.). Краснодар: ИМСИТ, 2005. С. 158-165.
4. Голованова Е. И., Голованов И. А., Казачук И. Г. Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира: точки соприкосновения и различий // Научный диалог. 2016. № 8 (56). С. 34-45.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб.: Издательство М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. 807 с.
6. Довлеткиреева Л. М. Концепт КОНЬ в чеченской литературе и фольклоре // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2019. № 3. С. 16-21.
7. Ерёмин В. И. Специфика художественного образа в песнях земледельческого календаря // Русский фольклор: материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. XIV. Проблемы художественной формы / отв. ред. А. А. Горелов. С. 61-73.
8. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М.: АСТ; Астрель, 2006. Т. 1. 1165 с.
9. Захарченко В. Г. Народные песни Кубани: сборник: в 2-х вып. Краснодар: Кн. изд-во, 1987. Вып. 1. 320 с.; 1997. Вып. 2. 586 с.
10. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта; Наука, 2010. 320 с.
11. Исаева Л. А., Дрыга С. Г. Особенности концептуализации в общезыковой и индивидуально-авторской картинах мира // Концептуализация как процесс и его результаты: национально-культурные и индивидуально-авторские особенности / под ред. Л. А. Исаевой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 3-13.
12. Кондрашова О. В. Семантика поэтического слова: функционально-типологический аспект. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1998. 270 с.
13. Концевич Г. М. Народные песни казаков. Краснодар: Эдви, 2001. 448 с.
14. Костомаров Н. И. Славянская мифология. М.: Чарли, 1994. 688 с.

15. Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар: Кубанькино, 2005. 418 с.
16. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 190 с.
17. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.
18. Рубакова И. И. Концепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ в фольклорном жанре русской частушки: дисс. ... к. филол. н. М., 2019. 164 с.
19. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 585 с.; 1999. Т. 2. 702 с.; 2009. Т. 4. 656 с.
20. Словарь русского языка XVIII века: в 21-м вып. / АН СССР, Ин-т лингв. исследований; гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука, 1998. Вып. 10. 256 с.
21. Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор: материалы и исследования. Л.: Наука, 1979. Т. XIX. Вопросы теории фольклора / отв. ред. А. А. Горелов. С. 147-156.

Lexicalization of КОНЬ (HORSE) Concept in the Kuban Cossacks' Songs

Epatko Tat'yana Aleksandrovna

Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov
epatko.t.a@yandex.ru

The paper aims to reveal specificity of lexico-semantic representation of КОНЬ (HORSE) concept in the Kuban Cossacks' lyrical, ballad, prison, wedding, ritual, round dance, dance and humorous songs. Scientific originality of the study lies in the fact that the author for the first time provides a comparative analysis of the basic representatives of the common Russian concept КОНЬ – lexemes “конь” and “лошадь” – by the material of the Kuban Cossacks' song folklore. The findings indicate that in the Kuban Cossacks' songs, these lexemes acquire additional meaning “wealth”. Moreover, the lexeme “конь” acquires the meanings “inner circle member”, “bridegroom symbol”, “Cossack's friend”. Both the lexemes have a positive emotional evaluation. Semantic differences between the words “конь” and “лошадь” disappear; the lexemes become full synonyms, but the most frequent lexeme “конь” has much broader metaphoric potential.

Key words and phrases: КОНЬ (HORSE) concept; Kuban songs; Cossacks' folklore; lexeme; metaphorical meaning.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.24>

Дата поступления рукописи: 12.10.2020

Цель исследования – на материале русских говоров Башкирии установить основные закономерности репрезентации эмоциональных явлений в диалектной картине мира. **Научная новизна** работы заключается в том, что в ней впервые проводится описание семантических особенностей эмотивной лексики и фразеологии, зафиксированной в диалектной речи жителей полиэтнического региона. **В результате** исследования выявлено, что эмотивная лексика в русских говорах Башкирии представляет собой семантическое поле, структура которого определяется закономерностями вербализации эмоциональной сферы, такими как асимметричность структуры поля, отражение основных концептуальных параметров эмоций: субъективное переживание, его временные признаки, интенсивность, модальность (положительный/отрицательный знак), внешнее проявление и т.д.

Ключевые слова и фразы: эмотивная лексика и фразеология; семантическое поле; диалектная картина мира; русские говоры Башкирии.

Кезина Светлана Владимировна, д. филол. н., доц.
Пензенский государственный университет
svkezina@gmail.com

Киселева Лариса Айратовна, д. филол. н., доц.
Сергеева Лариса Александровна, д. филол. н., проф.
Башкирский государственный университет, г. Уфа
larisakiseleva2015@yandex.ru; sergeevala@list.ru

Репрезентация эмоциональной сферы человека в диалектной картине мира (на материале русских говоров Башкирии)

Актуальность изучения диалектной эмотивной лексики несомненна: если провести параллель с соответствующей сферой номинации в русском литературном языке, то можно заметить, что последняя проанализирована весьма детально как в системном, так и в функциональном аспектах [1; 5], тогда как диалектные наименования эмоций представляют собой недостаточно исследованную область, поскольку на данный момент имеется лишь несколько работ, специально посвящённых анализу данного класса слов [3; 9; 11]. Это объясняется преимущественным вниманием диалектологов к наименованиям материальных предметов,